

В. П. САЕНКО

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАФОС ТВОРЧЕСТВА
О. КОБЫЛЯНСКОЙ

Фактом международного значения становится украинская литература начала XX в. Разительный переход от состояния «быть или не быть?», в котором жила новая украинская культура первой половины XIX ст., прокладывая путь сквозь сомнения в самой вероятности ее существования, к выходу на авансцену европейского духовного развития, ознаменовавшему заключительный этап критического реализма, был результатом не только ее мужественности и живучести, но и направленности в единственно продуктивное русло прогресса. Одним из первостепенных факторов прогресса стал процесс интернационализации культуры, приобретший новые качест-

венные приметы в связи с пролстарским периодом общественного развития. Отношение национально-литературного материала к тенденциям мирового литературного движения получило решающее значение.

Самые продуктивные и интенсивные контакты с инонациональным литературным процессом характерны для прогрессивных писателей. Выдающиеся представители украинской культуры начала века обнаружили интенсивные тенденции к усвоению межлитературных стимулов, что было закономерным следствием всемирного круговорота идей, образов, замыслов, форм и служило во имя блага поступательного движения отечественного искусства. Расширение интернациональных горизонтов свойственно творчеству И. Франко и Леси Украинки, М. Коцюбинского и П. Грабовского, В. Стефаника и О. Кобылянской. Одним из новаторских признаков этого углубления контактов становится межзональное духовное общение народов. И украинская литература определяется не только в кругу наиболее родственных ей славянских культур, но активно входит в европейский контекст, поднимаясь на орбиты межнациональной коммуникации с народами, отдаленными по типу культуры и географическому местоположению. Именно такими были украинско-скандинавские литературные связи, бурно развивающиеся в конце XIX — начале XX в. и осуществляемые при посредничестве великой русской культуры.

Под знаком этих процессов происходило расширение интернациональных горизонтов творчества выдающейся демократической писательницы Ольги Кобылянской. Они говорили о высокой культуре ее художественных достижений, о многообразии ее связей с литературной жизнью Европы в самом широком смысле слова. Мыслью разработать вопрос об интернациональной природе творчества буковинской писательницы, о соотношении национального и интернационального в ее художественной палитре жила ее друг, критик и исследователь отечественной и зарубежных литератур Леся Украинка, завещавшая будущим литературоведам проанализировать неповторимый вклад О. Кобылянской в духовное общение между славянскими и североевропейскими народами на рубеже веков. Именно этот ключ познания украинско-скандинавских связей она считала наиболее подходящим для открытия интернациональной концепции выдающейся писательницы и для получения обобщающих выводов о формах межлитературной ком-

муникации. Да и сама О. Кобылянская прямо (в обширной переписке с деятелями культуры) и в подтексте своих художественных размышлений подсказала возможные поисковые ориентиры темы. Хотя многие материалы лежат на поверхности, все же внутренние процессы духовной общности и отдаленности открываются непросто.

В художественном мире О. Кобылянской своеобразно преломились импульсы от творчества различных писателей, но более всего она дорожила воодушевляющим примером русского классика И. С. Тургенева и датского писателя И. П. Якобсена. Понятно, почему творческим маяком для себя избрала О. Кобылянская всемирно известного автора «Записок охотника». Но чем вызвано то, что для украинской писательницы крупным авторитетом стал представитель Дании — маленькой страны, размещенной вдали от больших путей экономического и духовного движения, литература которой имела немного шансов на приобретение европейской славы?

Интерес к лучшим скандинавским художникам прогрессивного направления был закономерным для культурной жизни России и Европы в переломную эпоху. Это было связано с международным резонансом освободительного движения в России и радикальными общественно-политическими переменами во второй половине XIX в., о которых Ф. Энгельс говорил: «...За последние 20 лет Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России. Мещане они или не мещане, но эти люди создают гораздо больше, чем другие, и накладывают свою печать также и на литературу других народов, и не в последнюю очередь на немецкую» [1, т. 37, с. 351]. Второе место после русской, отведенное литературе северного народа, естественно возбуждало интерес к ее сокровищнице. Популярность скандинавских книг, изданных на различных языках в 900-х гг., значительно возросла.

О. Кобылянская неслучайно интересовалась, что о ней сказали бы русский классик Тургенев и выдающийся датский писатель Якобсен, ибо для нее большое значение представляли интересы и достижения всех литератур мира. Но не только поэтому Тургенев и Якобсен определенным образом воплощали общественное и личностное измерения художника. И не только для Кобылянской. Что касается Якобсена, то среди восторженных поклонников творчества датчанина были выдающиеся

писатели, выступавшие и в качестве его переводчиков. На русский язык его переводили А. Блок и С. Городецкий, польский — Л. Стафф и М. Домбровская, немецкий — Райнер-Мария Рильке, украинский — О. Маковей, О. Кобылянская, В. Стефаник. В «Очерке моей жизни» и в переписке Т. Манн называл своими наставниками главным образом великих русских и скандинавских прозаиков, в их числе — Тургенева и Якобсена. Роман последнего «Нильс Люне» внутренне близок к «Будденброкам». В контексте лучших достижений мировой культуры вклад Якобсена значителен, как и выдающихся его земляков — автора сказок Ганса-Христиана Андерсена, философа С. Кьеркегора, критика Г. Брандеса, романиста Мартина Андерсена-Нексе.

Начинал И. Якобсен (1847—1885) как ученый; специализировался он преимущественно в области ботаники (поэтому так точно и поэтически убедительно изображен в его творчестве мир растений), стал первым в Дании знатоком и поклонником идей Дарвина, переводчиком и популяризатором его трудов «Происхождение видов» и «Происхождение человека» [6]. Его научно-популяризаторская деятельность составляла органическое единство с литературной работой, которая велась в направлении преодоления романтизма и освоения реализма. Во главе нового движения стоял критик Г. Брандес. Якобсен же проявил себя как один из наиболее заметных и активных его участников. Творческое наследие художника составляют шесть рассказов («Могенс», «Фру Фенс», «Выстрел в тумане», «Два мира», «Чума в Бергамо», «Тут место для роз») и два романа («Фру Мария Груббе», «Нильс Люне»). Но в этом количественно скромном творчестве было художественно совершенно воплощено время с его сложными социальными и идейными конфликтами, противоречиями и характерным типажем. И составляло это общечеловеческий интерес, обеспечило, по словам Г. Брандеса, восторженное отношение наилучших читателей.

Формы проявления заинтересованности творчеством Якобсена у Кобылянской были различны. Прямые свидетельства рассыпаны в эпистоляриях. В письмах к В. Лукичу (1890), О. Маковею (1898, 1902), В. Стефанику (1900), П. Тодорову (1901) сосредоточено продолжительное по времени и неослабевающее по характеру внимание к датскому художнику слова, сделана попытка оценить его своеобразную роль в усилении собственной творческой энергии. Весьма выразительным явля-

ется высказывание такого плана: «Я чувствую, однако, что не буду никогда под влиянием других писать. Один Якобсен повлиял на меня. Я научилась от него много. Чувства набирали что-то от него, но чего, что — не знаю. Знаю, что меня вяжет что-то с ним» [3, т. 5, с. 376]. И если в 1898 г. О. Кобылянская еще не могла сформулировать, что ее связывает с датчанином, то в 1901 г. путем противопоставления творчества Якобсена манерности, безыдейности и бесплодности польского декадента С. Пшибышевского писательница находит форму, которая обобщает достоинства художественных открытий скандинава: «Познавая таких авторов (как Пшибышевский), я невольно должна вспомнить таких писателей, как Келлер или датчанин И. П. Якобсен! — в них видим мы людей, как ступают они по миру, со своими преразличными приметами духа и тела, — а однако, сколько гармонии и красоты в них, сколько белизны и чистоты душевной! Их дела переживут всяких Пшибышевских и таких других, хоть бы они и сколько шума наделали. Датчанин Якобсен — это один из моих наиболее любимых авторов. Через него полюбила я всю датскую, норвежскую и шведскую литературу» [3, т. 5, с. 469]. Автобиографии писательницы насыщены указаниями на роль Тургенева и Якобсена как литературных учителей: «Наибольшее влияние из чужих литератур оказал на меня русский писатель Тургенев и Достоевский. Позже заинтересовалась я датской да и всей нордландской литературой, из которой стал моим настоящим учителем Jens P. Jacobsen» [3, т. 5, с. 215].

Устойчивость вкусов и творческая общность с Якобсеном проявилась и в другой форме: в прямом введении в текст художественных произведений упоминаний о датском писателе и его прозе, перенесение авторских симпатий на вкусы и литературные пристрастия героев собственных творений Кобылянской. Устами действующих лиц характеризуется успех датчанина в культурном мире, через восприятие персонажей ее собственных произведений преподнесены вариации на темы творчества Якобсена. Так, только в повести «Царевна» это сделано пять раз открыто и значительно больше — скрыто. Следует остановиться на этих случаях. Героиня повести Наталья Веркович, которая смогла, победив сопротивление мещанской среды, стать царевной своей судьбы, взрастив писательский талант, является своеобразной носительницей мыслей и вкусов, адекватных авторским. Именно поэтому в произведении акцентиро-

вана такая сцена: героиня мечтает о путешествии за границу. «Тогда поедем в Швецию и Данию — отзвывалась я и почти ощущала, как мои глаза сверкали. Я была в скандинавскую литературу по уши влюблена и мечтала все о том, чтобы увидеть хотя бы Данию, если не все те северные страны с их чудесно-прекрасными пейзажами, с их фиордами, с их мужами, как Стринберг, Брандес и пр. Особенно в Данию тянуло меня. И. П. Якобсен, произведениями которого я, словно звуками любимой родной песни упивалась, был ее сыном, и все, что относилось к этой маленькой стране, занимало меня глубоко» [3, т. 1, с. 254].

Изображая процесс рождения художественных образов у своей героини, ее мыслительный поток, О. Кобылянская прибегает к реминисценциям из новеллы И. Якобсена «Тут место для роз», которые дают толчок буйству молодого воображения. По принципу ассоциаций в чувствах и мыслях героини «Царевны» соединяется образ роз из реальной карпатской природы с поэтическим миром ярких цветов в знаменитой новелле датчанина. Их диалог передает движение эмоций и настроений молодой девушки, восхищенной красотой родной природы и переполненной щедростью первой любви. Характеротворческая функция реминисценций из новеллы Якобсена тут вполне оправдана состоянием мира природы и состоянием души героини с поэтической натурой. Вот ее внутренние размышления: «Да! те желтые матовые розы устали. Наверное, из-за любовных мечтаний, когда тем временем темно-красные, пламенные, перенасыщенные розы как будто дремали. Мне вспомнилась новелла датчанина Якобсена „Тут место для роз“. Никогда не читала я что-либо поэтичнее ее. Разговор двух пажей знала я наизусть, а занимал меня особенно тот желтый паж, „без истории“» [3, т. 1, с. 230]. Но Наталья из «Царевны», в художественной интерпретации Кобылянской, восприняла и моральные заповеди любимого писателя. Она использует его афоризм — «Где люди любят, там должен тот покориться, который больше любит» — к собственной жизненной ситуации, когда наступил крах ее взаимоотношений с Орядиным и чувства женской гордости и достоинства вступают в поединок с непогасшей любовью.

Восхищены прозой северного мастера слова и герои произведения «Он и она». С помощью такой художественной детали О. Кобылянской удалось подчеркнуть не только уровень культуры своих героев, их духовность,

но и поэтичность природы, моральную красоту, удивительную скромность их поведения. Происходит даже объяснение в любви героев «Он и она» при помощи реплик из новеллы датчанина, его образов-символов. Намеками было сказано главнейшее: «Когда мы говорили о датчанке Якобсене, — вспоминает она, — и я говорила что-то — не знаю уже что — о его прекрасной новеллке „Тут место для роз“, — сказал он, глядя на меня, словно забывшись:

— Я знаю одно такое лицо, как то, у того старшего пажа в этой новеллке. Вспоминаете ль его?

Я, разумеется, вспомнила его.

— Знаю точно такое же лицо, с печальными сияющими, почти бархатными глазами и такой же тоскливо-болезненной улыбкой на губах.

— Неужели?

— О да! Оно владеет той силой, которая изменяет в людях... настроение и совсем овладевает теми, которые в него глядят» [3, т. 1, с. 448].

Вариации на темы произведений Якобсена играют, как видим, функцию создания характера, несут в себе, с одной стороны, информацию о познавательных горизонтах личности, о европейских интересах самого автора, а с другой стороны, — о ценностной ориентации героев. Поэтому обращение к творчеству писателя мотивировано и понятно с точки зрения развития О. Кобылянской.

Украинская писательница выступала как переводчик, популяризатор и интерпретатор лучших произведений Якобсена. Это третья форма ее духовного общения с североамериканскими литературами в лице представителя Дании. Параллельно с появлением в 1896 г. в «Литературно-научному віснику» новеллы «Фру Фенс», напечатанной в переводе О. Маковея, в газете «Буковина» появился перевод Кобылянской произведения «Тут место для роз», а в 1911 г. он появился вторично в журнале «Українська хата». Это было не случайно, а представляло разновидность контактных связей, проложенных между украинской и скандинавскими литературами на рубеже веков. Интенсивность взаимоотношений проявилась и в том, что О. Кобылянская установила творческие контакты с датскими писателями О. Рунком и А. Мадельюном. Она перевела рассказ «Хирург» Рунке. Писатель в свою очередь популяризировал ее произведения на своей родине, используя для этой цели различные пути.

Психологический этюд «Тут место для роз», изобилующий размышлениями о смысле и характере человеческих чувств, о двух типах мировосприятия — романтическом и реалистическом, — строится как диалог двух пажей, которых имитируют актрисы. Бурление молодости, максималистская моральная установка, всеобъемлющее желание счастья, которыми переполнен диалог, вероятно, импонировали украинской писательнице, как и то, что любовь Якобсена к сотканым из настроений ярких описаний природы доходит до апогея. Лиризм, поэзия красок и звуков, гамма настроений, импрессионистическая изменчивость как формообразовательные факторы привлекали своей органичностью и пластической завершенностью. Перевод осуществлен тонко и в соответствии с партитурой произведения Якобсена. Картины пышной природы, жизнь цветов и поэзия человеческих чувств составляют атмосферу произведения, которую О. Кобылянской удалось воспроизвести средствами украинского языка. Несомненной удачей писательницы является и то, как она передала рисунок подтекста, в центре которого размышление: в чем наибольшее счастье — в мечте о нем, надежде и порыве к нему или в том, что называют счастьем в действительности.

Диалогическая форма композиции новеллы дала возможность подчеркнуть преимущества и уязвимые места каждого из этих аспектов истины. В произведении отсутствует приговор; есть только столкновение двух точек зрения двух пажей на «неясную юношескую любовь, что не знает покоя и носится через все страны предчувствий, через все небеса надежд, и болезненно тоскует о том, как ей переселиться в единое, глубокое пламя великого ощущения» и на любовь, которую ты найдешь «в объятии двух белых рук, в двух глазах, заменивших тебе небо, в надежном блаженстве двух уст,— такая любовь не поднимется выше земли и праха, она променяла свободную вечность мечтаний на счастье, часами измеряемое и часами изменяемое» [7, с. 3—4]. В плане передачи подтекста и лирической тональности перевод О. Кобылянской перекликается с русским переводом А. Блока «Пусть розы здесь цветут» («Северные сборники», т. 1, 1907), который подчеркнул форму как причию, отличающуюся в оригинале богатством неожиданных эффектных переходов от мотива к мотиву.

Четвертой формой духовного общения с русской и датской литературой стало типологическое единение,

сквозь которое пролегли пути новаторских поисков буковинской писательницы. В этом проявилась качественная сторона творческих достижений представителей разных культур в национальном и интернациональном контекстах.

О. Кобылянскую, И. Тургенева и И. Якобсена характеризуют напряженность идейных поисков, желание подняться над однообразными, серыми буднями, акценты на вопросах эмансипации и морального потенциала личности, интенсивность в воссоздании эмоциональной сферы героев, продуктивные формы аналитического психологизма, реалистически-импрессионистическая манера повествования как проявление типологической общности. Их сближает аналогичность проблематики, типов героев, атмосферы внутреннего поиска счастья, в которой разворачивается действие. Одним из характерных конфликтов, на котором строятся «Нильс Люне» Якобсена и ряд произведений О. Кобылянской («Царевна», «Природа», «Некультурная», «Земля»), являются противоречия между личностью и обществом, творческого неординарного человека и обывательской среды, диссонанс между характером и обстоятельствами, раскрывающиеся с установкой на проблему эмансипации женщины («Фру Мария Груббе» и цикл произведений Кобылянской).

Мотив разочарования, вызванного неминуемым столкновением высокого порыва с мещанским этикетом, мечты и фантазии с «житейскими бурями и обманчивыми радугами», стал доминирующим в ряде произведений датского писателя. Современный скандинавский критик Свен Оле Мадсен назвал «Нильса Люне» великой книгой о разочаровании. В образе Нильса, при всей индивидуальной выразительности его характера, Якобсен стремился типизировать черты, свойственные современной писателю интеллигенции: скепсис по отношению к старому, отжившему образу жизни, проповедь «евангелия разрушения», тяготение к новому, научному мировоззрению. Герой Якобсена — «лишний человек», который не вписывается в морально-этический фон своей духовно вырождающейся среды.

Невозможность добиться общественной, интеллектуальной и эмоциональной гармонии бытия в условиях капиталистического общества характеризует и среду обитания героев Кобылянской. Тема судеб буковинской интеллигенции интересовала писательницу именно на пересечении общественных и личностных параметров.

В «Царевне», «Людині», «Ніобі» Кобылянская показала стремление своих героинь найти опору для настоящей духовности в мире буржуазного безразличия и практицизма. Но кроме разочарования в ее творчестве раскрывается мотив утверждения народных сил, которые возможно взрастить путем самоусовершенствования, роста сознания. Именно поэтому такое большое внимание писательница посвящала морально-этическим аспектам бытия современника и художественно трактовала такие проблемы, как долг и совесть, уровень нравственной культуры отдельного человека и общества, красота в диалектике эстетического и этического. Есть определенная типологичность в художественной интерпретации вопросов религии и атеизма.

В «Нильсе Луне» это одна из основных тем. Нелюбимо роман окрестили библией атеизма, автора которой обвиняли в том, что он не дал выразительного ответа на вопрос — способен ли атеизм заменить религию. Не смогла последовательно ответить на него и О. Кобылянская. Это было обусловлено уровнем современной ей общественной мысли на Буковине и особенностями ее творческого пути.

Как из творческого, религиозного отражение реального мира может окончательно исчезнуть лишь тогда, когда взаимоотношения практической ежедневной жизни людей будут воплощаться в разумных связях между людьми и природой. А разве трагедия героев «Ніобы» не основывается на алогичных связях, разрыве между общественной и природной жизнью человека капиталистического мира? Так же, как глубоко мыслящий прозаик Якобсен создал роман идей, роман мировоззрения, О. Кобылянская была создательницей многочисленных повестей идей.

Типологическая переключка строится и на особом даре рисовать природу, использовать ее возможности для создания характеров, психологически достоверного рисунка личности. Палитра красок, использованная в произведениях Якобсена, характеризует его как импрессиониста, который углубил реалистические картины контрастами и изменчивостью красок. О. Кобылянская в очерчивании природной среды тяготеет к твердой реалистической основе, хотя в ее «Земле» и в повести «В воскресенье рано зелье копала...» пейзажи романтически окрашены. Господство лирической стихии — еще одна грань общности, которая характеризует не только украинского, русского и датского художников слова.

Тяготение к лиризации прозы — черта, которая вытекала из тенденции развития искусства конца XIX в., из значительного смещения интереса к оценочным факторам и взаимопроникновению жанровых границ. У Кобылянской и Якобсена она объясняется также значительным автобиографическим элементом в ряде произведений, собственным весомым идейным и эмоциональным опытом авторов, еще больше — национальной спецификой украинской писательницы. Лиризация прозы, удельный вес субъективности более всего сказались в жанровой структуре произведений. И. Тургенев и И. Якобсен были общепризнанными мастерами поэзии в прозе. Тургеневский цикл «Стихотворений в прозе», неповторимый по философской глубине и лирической концентрации чувств, обрел мировую славу. Рефлективно-камерный жанр с широким использованием иносказания, аллегории, романтической образной системы [2, с. 211] у русского и датского авторов лирических миниатюр был новаторски подчинен повышенному интересу к духовному миру личности, к внутренней музыке интима, за которыми звучала общечеловеческая проблематика о смысле жизни, о законах человеческого бытия и его мгновений — в любви, благодарности — неблагодарности, в самопожертвовании, в поисках счастья, в молодости и старости, в вечности и быстротечности страстей.

Философское осмысление мгновений осуществляется через контраст (в тургеневских миниатюрах «Роза», «Воробей», «Как хороши, как свежи были розы...» сопоставляются два временных плана: прошлое и настоящее, молодость и старость), эмоциональный накал, мудрое озарение истины в конкретных эпизодах спонтанного проявления чувств и мыслей. Много общего на уровне содержания и формы нельзя не заметить в жанровом сплаве цикла И. Тургенева и новеллистической манере И. Якобсена (блестящий образец — «Тут место для роз»). Эти писатели дали новый толчок развитию европейской традиции запечатлеть мир и человека в форме поэзии в прозе [4; 5]. О. Кобылянская успешно воспользовалась этой традицией, назвав именно И. Тургенева и И. Якобсена своими литературными учителями, которым она обязана появлением своих «капель крови», как назвала она собственные поэтические миниатюры. Но вместе с тем художественные поиски лучших украинских писателей начала XX в. в этой форме были стимулом в написании таких произведений О. Кобылянской, как «Розы», «Аккорды», «Весенний аккорд», «По-

эты» и др., которые вписываются в контекст лирического шедевра Леси Украинки «Твои письма всегда пахнут увядшими розами», совершенных образцов В. Стефаника («Мое слово», «Дорога»), Марка Черемшины («Ту-га», «Колядникам науки») и др.

Важный аспект сопоставления представляют проблемы психологизма. И в этом плане национальное и интернациональное органически переплелись в творчестве О. Кобылянской. Что касается И. Якобсена, то северный автор был одним из первых в литературе своего края, кто обратился к отражению социальных конфликтов сквозь внутренний мир человека, противоречия и борения души, поиски истины и смысла собственного бытия. Аналитический психологизм, умение передать текучесть и многозначность человеческой психики, характеризующие его творчество, были в традициях русской школы реализма, из которой активно черпали все литературы мира. Психологической обоснованностью и новаторством в этой области отличается и творчество О. Кобылянской. Первым это определил И. Франко, характеризуя ее как репрезентантку новой генерации украинских писателей. Будучи способной к творческому восприятию инациональных импульсов и художественных ценностей, О. Кобылянская добилась в многозначности своих творений такого разнообразия связей с литературной жизнью мира, которые являются показателями содержательности и богатства передового искусства.

Типологические ряды можно было бы продолжить и на уровне содержания, и на уровне формы. Главное же, в чем убеждает творческая встреча представителей близких и далеких культур, — это то, что в И. Тургеневе и И. Якобсене О. Кобылянская нашла близких себе, родственных художников. И сошлись их стремления на проблеме гуманизма — художественно убедительном изображении прав и достоинств независимой самобытной личности, преодолевающей огромные трудности на пути к гармоническому развитию в условиях классового неравноправия, социального и морального отчуждения.

Творческая встреча О. Кобылянской с прогрессивными писателями мира — одна из ярчайших страниц украинско-европейских литературных взаимоотношений. В этом убеждают и украинско-датские связи, представленные в своеобразном творческом диалоге с наследием И. Якобсена. Такого рода творческие контакты и типологические схождения между литературами являются конкретным выражением культурного прогресса и пре-

емственности и аналогичности духовных поисков европейских народов на рубеже веков. Именно это и определило интернациональный пафос творчества выдающейся украинской писательницы.

- Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.; 2. Денисюк І. О. Розвиток української малої прози ХІХ — поч. ХХ ст. — К.: Вища школа. Головне изд-во, 1981. — 211 с.; 3. Кобыляньська О. Твори: В 5-ти т. — К.: Держлітвидав, 1962—1963; 4. Тургенев І. С. Собр. соч.: В 12-ти т. — М.: Худож. лит., 1978; 5. Тургенев І. С. Новые материалы и исследования. — Лит. наследство, т. 76. М.: Наука, 1967. — 768 с.; 6. Якобсен І. П. Пані Марія Груббе. Нільс Люне. — К.: Дніпро, 1969. — 380 с.; 7. Якобсен І. Тут повинні би рожі стояти. — Буковина, 1896, 12 черв.

Поступила в редколлегию 25.04.82